

Азербайджан — что впереди? *

Следующие пять лет будут для Азербайджана критическими: ему придется адаптироваться и проводить реформы, необходимые для решения совершенно новых экономических и международных проблем.

Томас де Ваал

Как и ожидалось, 9 октября 2013 года на очередных президентских выборах в Азербайджане действующий президент страны Ильхам Алиев одержал более чем убедительную победу, получив свыше 84 проц. голосов избирателей. Этот результат никем не ставился под сомнение, хотя международные наблюдатели и критиковали сам порядок проведения выборов.

Главный вопрос теперь в том, что будет дальше. Можно с уверенностью сказать, что в 2018-м — к концу третьего президентского срока Алиева, Азербайджан станет совсем другой страной.

В начале 1990-х годов Азербайджан, только что обретший независимость, был бедным и изнуренным войной государством. С тех пор он проделал огромный путь. За последние несколько лет, после пуска в 2006-м нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан, его экономика резко пошла вверх, и сегодня ВВП Азербайджана равняется 70 млрд дол., в двадцать с лишним раз превосходя показатель середины 1990-х. В то же время Азербайджан самыми разными способами заявляет о себе на международной арене. Так, в январе 2012 года начался двухлетний срок членства

Азербайджана в Совете Безопасности ООН, и в том же году Баку стал местом проведения конкурса Евровидения.

В ближайшие пять лет Азербайджан столкнется с новыми проблемами. Соотношение спроса и предложения энергоносителей на мировых рынках, а соответственно, и стратегические приоритеты Азербайджана уже начинают меняться. В самом Азербайджане общественность, вероятно, будет громче обсуждать социально-экономические проблемы и требовать политических свобод. Руководству Азербайджана придется реагировать на происходящее и оперативно приспосабливаться к новой реальности.

Стратегические приоритеты

Следующий этап развития Азербайджана, который по времени совпадает с предстоящим третьим президентским сроком Алиева, будет сложнее предыдущих. Нефтяной бум в стране вскоре кончится, но Азербайджан попытается компенсировать это, став крупным поставщиком газа в Европу.

Во внешней политике Азербайджан балансирует между своими более крупными соседями, причем ключевым фактором и здесь выступают энергоносители. Отношения с южным соседом — Ираном — у Азербайджана прохладные, а с Россией прагматичные.

Турция, язык которой очень близок к азербайджанскому, — безусловно, его лучший партнер. Баку готов заключить крупную газовую

* Автор благодарит Александру Мак-Лис за неоценимую помощь в проведении исследований. Все цитаты, если прямо не указано иное, взяты из ответов на вопросы, посланные комментаторам по электронной почте.

делку с Анкарой. Но их отношения не столь безоблачны, как можно было бы ожидать. Частично виной этому резкое различие идеологических взглядов умеренного исламиста Реджепа Тайипа Эрдогана и подчеркнуто секулярного Ильхама Алиева, которые явно не доверяют друг другу. Хотя Турция обеспечивает Азербайджану путь на запад, Баку отнюдь не всегда значится среди турецких приоритетов. Так, азербайджанское руководство было неприятно удивлено и разгневано, когда Турция начала процесс нормализации отношений с Арменией в 2008-м и 2009-м годах. И только уступая давлению Баку, Анкара оставила эти свои попытки.

Нужно сказать, что отношения Азербайджана с Россией несколько загадочны. В августе 2013-го президент России Владимир Путин побывал в Баку в сопровождении делегации самого высокого уровня. Обе страны, политические и экономические модели которых во многом схожи, публично декларируют дружбу и сотрудничают по ряду направлений, одновременно втайне питая подозрения относительно намерений друг друга.

В 1990-е годы Азербайджан был главным каналом проникновения в Россию исламских боевиков из-за рубежа для участия в чеченской войне. В наши дни Баку и Москва сотрудничают в усилиях сделать непроницаемой границу между двумя странами, проходящую в горной местности, с тем, чтобы воспрепятствовать просачиванию исламистов в Дагестан. Торговля между обеими странами тоже на подъеме. Недавно Россия объявила о продаже Азербайджану большой партии оружия. В Баку Путин заявил, что объем военно-технического сотрудничества между Азербайджаном и Россией в настоящее время оценивается в четыре миллиарда долларов¹.

Однако в отношениях двух стран есть и менее позитивные моменты. В прошлом году Азербайджан фактически вынудил Россию закрыть Габалинскую радиолокационную

станцию (РЛС), затребовав за нее несусветно высокую арендную плату.

Серьезный ущерб достижению внешнеполитических целей могут также нанести внутривнутриполитические факторы. Так, азербайджанские СМИ и парламентарии постоянно обвиняют Россию в том, что она якобы стояла за победой армян в карабахском конфликте, в ходе которого Азербайджан потерял значительную часть своей территории.

В Азербайджане очень остроотреагировали и на события в московском Бирюлево в октябре 2013 года, когда обвинение этнического азербайджанца (и гражданина Азербайджана) Орхана Зейналова в убийстве русского молодого человека повлекло за собой взрыв агрессии и насилия антииммигрантского и ксенофобского характера в городах России, за которым последовало демонстративно жесткое задержание Зейналова, широко транслировавшееся по российским телеканалам.

Азербайджан также стремится наладить хорошие отношения с Западом в первую очередь на основе сотрудничества в сферах энергетики и безопасности.

В 2018-м должен войти в строй Трансадриатический газопровод (ТАР), по которому с азербайджанского месторождения Шах-Дениз через Турцию в европейские государства будет ежегодно поступать не менее 10 млрд кубометров природного газа. Согласно прогнозам, экспорт нефти из Азербайджана к тому времени пойдет на убыль (на самом деле он уже и сейчас меньше пикового показателя, достигнутого в 2010 году, из-за падающей добычи на шельфовом месторождении Азери—Чираг—Гюнешли в Каспийском море).

Сооружение Трансадриатического газопровода сделает Азербайджан энергетическим партнером Европейского Союза. Однако для Соединенных Штатов стратегическая ценность Баку к 2018 году,

скорее всего, уменьшится. Сейчас через Азербайджан проходит один из важнейших транзитных маршрутов в Афганистан, но к тому времени вывод американских войск из Афганистана должен быть завершен. Возможно, улучшатся и отношения Вашингтона с Тегераном, а это означает, что Соединенные Штаты будут меньше сосредоточены на сдерживании Ирана с помощью его соседей, в частности, Азербайджана.

Бывший посол США в Азербайджане Ричард Козларич так видит складывающуюся ситуацию: «В связи с изменениями в сфере региональной безопасности (по мере вывода сил западной коалиции из Афганистана) и на мировом энергетическом рынке (Азербайджан сталкивается с все более острой конкуренцией на рынках нефти и газа) значимость Азербайджана в мировом масштабе за последние несколько лет уменьшилась. Из этого следует, что Азербайджану придется создавать новую основу для поддержания позитивных отношений как с Западом, в частности, с Соединенными Штатами, так и со своими ближайшими соседями».

Неурегулированный конфликт

Поскольку соседи у Азербайджана в ближайшие пять лет останутся теми же самыми, сохранится и острейшая — как для Азербайджана, так и для Армении — проблема принадлежности Нагорного Карабаха, которой уже двадцать пять лет.

Опросы общественного мнения показывают, что для простых азербайджанцев этот неразрешенный территориальный спор остается проблемой номер один. Почти двадцать лет спустя после того, как Азербайджан потерпел чувствительное военное поражение в конфликте с Арменией, карабахскую проблему по-прежнему чрезвычайно трудно сдвинуть с мертвой точки. И как заметил один

западный дипломат в Баку, «это именно та проблема, в отношении которой президент Алиев не может позволить себе сделать неверный ход» (см. подверстку на с. 80–81).

В последние годы правительство Азербайджана увеличило военный бюджет до 4 млрд дол. в год. По замыслу, он должен превосходить весь государственный бюджет Армении. Президент Алиев утверждает, что он желает разрешить спор мирным путем, но его страна оставляет за собой право применить — в долгосрочной перспективе — силу, чтобы вернуть потерянные территории. Между тем на данный момент эта линия прекращения огня, или линия контакта, остается самой опасной милитаризованной зоной в Европе. Каждая из сторон разместила здесь более 20 000 солдат, противостоящих друг другу, в результате чего часто возникают перестрелки, в которых ежегодно гибнет более трех десятков человек. Так что этот конфликт трудно назвать «замороженным». Хотя степень реального насилия и невелика, уровень риторического насилия пугающе высок. Обе стороны, особенно азербайджанская, используют предельно воинственный язык по любому спорному поводу. Большая часть этой агрессивной риторики не что иное, как чистой воды политический театр, — в конце концов, армяне и азербайджанцы вполне мирно уживаются совсем недалеко от зоны конфликта — в Грузии. Как бы то ни было, гневная риторика подрывает надежды на мирное урегулирование проблемы.

Поддерживать мир вокруг Карабаха² с каждым годом становится все труднее. Армяне постепенно привыкают к тому, что они владеют этой землей и все менее склонны соглашаться с формулой «земля в обмен на мир», которая могла бы быть положена в основу мирного соглашения. Азербайджанский же лидер сталкивается с нереальными, завышенными ожиданиями в обществе, когда его значительная часть выступает за решение

проблемы вооруженным путем. Тем временем все внешние силы определенно стремятся предотвратить новый, потенциально разрушительный конфликт из-за этой спорной территории.

Все это означает, что наиболее вероятным сценарием развития событий в ближайшие годы явится сохранение ситуации «ни мира, ни войны», хотя вероятность новой вспышки военных действий, вызванной либо чьим-то просчетом, либо политическим кризисом, с каждым годом возрастает и требует к себе самого серьезного отношения.

Непрозрачная политика

В выборах 9 октября участвовало десять кандидатов, но из них реальным весом обладали только двое: действующий президент и кандидат от объединенной оппозиции Джамиль Гасанли³. Тот факт, что Алиев баллотировался на третий срок, сам по себе вызывал споры. Ранее президент в Азербайджане мог оставаться на своем посту два срока, то есть в этом году Алиев должен был бы уйти в отставку. Однако в марте 2009 года он организовал конституционный референдум⁴, результаты которого позволили ему баллотироваться на третий срок подряд⁵.

Гасанли получил 5,5 проц. голосов и занял второе место. Представители оппозиции утверждают, что их кандидаты стали жертвами фальсификаций. Их поддержала наиболее влиятельная группа наблюдателей — от ОБСЕ, представители которой заявили, что итоги выборов 9 октября искажены в результате ограничения свободы мнений, собраний и ассоциаций, не позволившего обеспечить равные условия для всех претендентов. Кампанию омрачали также непрерывные жалобы кандидатов и избирателей на запугивание и ограничения в отношении СМИ⁶.

Результаты выборов отражают наличие сложных проблем в рядах азербайджанской оппозиции. Две последние избирательные кампании продемонстрировали ее очень пло-

хую организацию. Многие из лидеров оппозиции — это ветераны недолго просуществовавшего правительства Народного Фронта (1992–1993 годы), популярность которых за эти годы ощутимо упала. В этом году оппозиции на короткое время удалось повысить свои ставки, выдвинув единым кандидатом весьма уважаемого человека — кинорежиссера Рустама Ибрагимбекова, который пользуется международной известностью. Невзирая на то что его высоко ценил Алиев-отец, а теперь и сын, Ибрагимбеков резко критикует нынешнее правительство Азербайджана, особенно за коррупцию и ситуацию с правами человека.

Однако в конце концов Ибрагимбекову пришлось снять свою кандидатуру, потому что у него было двойное гражданство: азербайджанское и российское. Он попытался отказаться от последнего, но не уложился в срок, оставивший ему возможность баллотироваться на пост президента. Тогда вместе с ним основные оппозиционные группы совместно выдвинули кандидатом 61-летнего историка Джамиля Гасанли.

Но ни до, ни после выборов оппозиция так и не смогла вывести большое число людей на улицы. Невозможно точно определить, чем это было обусловлено: отсутствием народной поддержки или просто страхом. Конечно, азербайджанской оппозиции приходится работать в весьма сложных условиях. Оппозиционные партии не могут проводить митинги в центре Баку и имеют ограниченный доступ к эфирному времени на телевидении; более того, кое-кто из оппозиционных активистов в этом году был арестован.

Вообще в 2013-м правительство жестко обходилось с инакомыслящими. Два ведущих оппозиционных политика⁷ — Ильгар Мамедов и Тофик Ягублу — в феврале были арестованы по сомнительным обвинениям и до сих пор находятся под стражей. Против Хадиджи Исмаиловой, занимающейся жур-

Конфликт в Карабахе

В мае 1994 года армяне и азербайджанцы подписали соглашение о прекращении огня, чтобы положить конец конфликту в Нагорном Карабахе, военную победу в котором одержала армянская сторона. С тех пор было предпринято несколько безуспешных попыток содействовать заключению мирного договора и произошли многочисленные акты насилия вдоль «линии контакта», разделяющей стороны. В целом здесь сохраняется чреватый обострениями статус «ни мира, ни войны».

Даже когда нет активных боевых действий, неразрешенный конфликт, то есть отсутствие мира между сторонами, разъедает общество изнутри. Речь идет не только об очевидных последствиях войны — о бедственном участии раненых, об обездоленных войной людях, о перемещенных лицах и закрытых границах, — но также и о неосознаваемом вредоносном влиянии войны на политический дискурс и СМИ, лишаящем общество способности смотреть в будущее и заставляющем его жить прошлым. Пока что и Армения, и Азербайджан опустошены этими призраками прошлого.

В результате обе стороны накопили большой запас не находящей выхода агрессии. Внешне азербайджанцы намного более воинственны. Президент Ильхам Алиев в своих публичных выступлениях не только говорит о достижениях Азербайджана, но и стремится очернить Армению всеми возможными способами. Опрос, проведенный Кавказским центром исследований и ресурсов (CRRС) в 2011-м, показал невероятную статистику: 99 проц. азербайджанцев не хотят вести бизнес с армянами.

Но здесь что-то не так, это не соответствует моему опыту общения с азербайджанцами и является скорее следствием предвзятого («правильного») мнения, нежели внутреннего убеждения. Ведь эти 99 проц. должны включать в себя и кое-кого из множества азербайджанцев, реально поддерживающих деловые отношения с армянами на территории Грузии, в таких, например, местах, как рынок подержанных автомобилей в Рустави. Внешним наблюдателям необходимо воспринимать эту агрессию всерьез, но следует также иметь в виду, что в этом вопросе (как и в некоторых других) азербайджанцам свойственно двоемыслие, то есть на публике они говорят одно, а своим друзьям или дома на кухне — другое.

В условиях такой двойственности Азербайджан, как мне кажется, может склониться к самым разным вариантам действий. Так, благоприятные или неблагоприятные обстоятельства либо приход мудрого или не очень мудрого лидера могут стать причиной возобновления военных действий между Азербайджаном и Арменией либо, напротив, способствовать заключению между ними мирного договора.

Армяне Карабаха до сих пор переживают сильную психологическую травму и все еще настроены непримиримо. Армяне в целом несколько менее агрессивны. По данным соответствующего опроса, проведенного CRRС в Армении, 32 проц. армян сказали, что они готовы вести дела с азербайджанцами. Но как раз подобного и следует ожидать от представителей стороны, победившей в конфликте. Я бы сказал, что многие армяне пассивно-агрессивны: они говорят, что

хотят наладить дружественные отношения с Азербайджаном, но не уступив при этом ни пяди азербайджанской земли, которую они называют своей.

У каждой стороны свой сильный, иногда всеподавляющий комплекс жертвы. Как еще можно объяснить столь неумное решение азербайджанского руководства, как помилование переданного Азербайджану и уже осужденного убийцы Рамиля Сафарова? Ведь весь его подвиг состоял в том, что он убил спящего армянина.

В Ереване я как-то делал доклад, посвященный карабахскому конфликту и назвал Азербайджан «раненой нацией» — для меня это было вполне очевидно. Но армяне в зале не могли этого принять! И пока я заканчивал эту фразу, я слышал выкрики и гул недовольства. И те же самые армяне согласно кивали головами, когда я говорил, что мир должен прислушаться к голосу карабахских армян. Но им показались невыносимыми мои слова о перемещенных из Карабаха азербайджанцах (еще более обездоленных).

Продолжающийся, хотя и с заминками, мирный процесс и дипломатические переговоры — это, конечно, важно, но, чтобы дипломатическое решение заработало, оно должно найти позитивный отклик в странах, которых оно касается, а это значит, что каждая из сторон должна быть в состоянии признать законными претензии другой стороны.

Но сказав все это, я все же рекомендовал бы французским, российским и американским посредникам из Минской группы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе продвигать уже разработанный

план, который представляется работоспособной рамочной структурой. Президенты Армении и Азербайджана не приняли его, но они настолько истощивающе договорились о деталях, что, по общему мнению, другого пути просто нет.

Рамочный план мирного урегулирования, первый вариант которого был представлен еще в 2007 году, состоит из шести так называемых «базовых принципов», которые неразделимы. Они определяют последовательность позитивных действий, в результате которых: азербайджанцы возвращаются на оккупированные территории в Карабахе, находящиеся в настоящее время под военным контролем армян; армяне получают наземный коридор, связывающий Армению и Карабах; Карабаху предоставляется «промежуточный статус» перед возможным «юридически обязывающим волеизъявлением», которое должно определить окончательный статус этой небольшой спорной территории, и гарантом всего этого должны стать международные миротворческие силы.

Проблема данного миротворческого плана не столько в самом продукте, сколько в его маркетинге. Президенты обеих стран,

в частном порядке обсуждавшие это соглашение, которое могло бы двинуть вперед весь регион, позволив людям вернуться в свои дома и разблокировав местные коммуникации, не предпринимают практически ничего, чтобы сделать его привлекательным в глазах своей общественности. Оба народа остаются недоверчивыми, циничными, неуверенными в своей безопасности, предпочитая статус-кво неопределенным обещаниям лучшего будущего на основе компромисса.

Всё упирается в отсутствие доверия: неспособность сторон, отягощенных взаимными подозрениями и привыкших к гневной риторике, сотрудничать ради того, что могло бы стать для них взаимовыгодной целью. Вот почему, если я и осуждаю Минскую группу и вообще международное участие в этом конфликте, то не за качество дипломатии, а за то, что эти силы не действуют с достаточной решительностью, которая позволила бы продиктовать свою собственную, отдельную программу установления мира на этой земле.

Именно внешние силы могут сдвинуть с места этот процесс. Для этого они должны более активно включиться в разработку международного миротворческого

соглашения, которое стало бы основой для урегулирования конфликта.

И внешним субъектам следует более настойчиво продвигать пока еще не обнародованный «третий вариант», который станет основой для мирного соглашения. Если руководители Армении и Азербайджана не могут на виду у всех заключить договор во имя мира, пойти на компромисс и обеспечить взаимовыгодное будущее региона, то внешние силы, заинтересованные в мирном исходе карабахского конфликта, должны сделать это вместо них, проявляя большую активность в публичных дебатах, в СМИ, а также поддерживая тех мужественных людей, которые идут вразрез с официальным мнением своего государства.

Война в Нагорном Карабахе была трагедией. Здесь долго еще придется изживать горе, залечивать психические травмы, восстанавливать справедливость. Но я полагаю, что есть также и скрытые резервы для достижения компромисса и установления консенсуса между армянами и азербайджанцами, — резервы, которые пока игнорируются, но могут стать — при обоюдном желании — основой мирного соглашения.

налистскими расследованиями и публикующей статьи о коррупции в среде азербайджанской элиты⁸, была развернута кампания травли.

Недавно организация *Human Rights Watch*⁹ опубликовала доклад о наступлении на демократию в Азербайджане, в котором утверждается: «Правительство прилагает скоординированные усилия, имеющие целью ограничить политическую активность оппозиции, наказывает тех, кто критикует его действия или выступает с публичными обвинениями в коррупции,

а также ужесточает контроль за неправительственными организациями». В ответ на это в начале сентября заведующий отделом политического анализа и информационного обеспечения в администрации президента Азербайджана Эльнур Асланов¹⁰ назвал данный доклад политически мотивированным, заявив, что *Human Rights Watch* «работает по заданиям различных центров. В этом докладе не упоминается ни одно из последних достижений Азербайджана, и это ясно указывает на то, что его авторы выполняют чей-то заказ».

Все это означает, что хотя в краткосрочной перспективе оппозиция сделает все возможное, чтобы опротестовать результаты выборов, политическая конкуренция в Азербайджане в ближайшие годы, скорее всего, будет возможна лишь внутри правящей элиты.

Бывший президент Гейдар Алиев руководил Азербайджаном с конца 1960-х по 2003 год, сначала как лидер коммунистов, а потом (с небольшим перерывом) в качестве избранного президента. Он создал вертикаль власти, в рамках которой лично контролировал каждое серьезное решение, и завоевал огромный авторитет.

При его сыне, ставшем президентом в 2003-м, система власти несколько изменилась. Избранный президентом на третий срок, младший Алиев выйдет из могучей тени отца, который избирался президентом страны лишь на два срока. У него появится возможность отодвинуть в сторону некоторых авторитетных ветеранов из команды отца, таких, как руководитель администрации президента Азербайджана 75-летний Рамиз Мехтиев.

Вряд ли он сможет поддерживать тотальный контроль, подобный тому, что установил его отец, поскольку огромный рост национального богатства за последние несколько лет позволил набрать силу и другим политикам. Политическая система в настоящее время более олигархична, и сильные позиции в ней занимают министры, такие, как Кемаледдин Гейдаров (министр по чрезвычайным ситуациям) и Зия Мамедов (министр транспорта), у которых есть доступ к экономическим ресурсам и региональная поддержка.

Мнение народа

В таких странах, как Азербайджан, есть определенные трудности с точным замером общественного мнения, но тем не менее имеющиеся данные свидетельствуют о том, что

нынешний президент по-прежнему популярен, а общественное недовольство направлено больше против олигархов.

По данным опроса «Кавказский барометр-2012» (они скоро должны быть опубликованы), проведенного осенью 2012 года Кавказским центром исследовательских ресурсов, 83 проц. опрошенных в Азербайджане доверяют президенту полностью или частично. Респондентов, ответивших, что правительство поступает с ними «справедливо», было намного меньше — 49 проц., а 39 проц. опрошенных не согласились с этим утверждением.

Наружу народное недовольство в Азербайджане выплескивается не так часто. В начале 2012-го было несколько разрозненных и, по-видимому, не связанных между собой протестов с участием различных групп азербайджанского населения. Эти демонстрации были обусловлены в основном социально-экономическими и местными проблемами. Вот что думает по этому поводу адъюнкт-профессор географии в Университете Канзаса Шеннон О'Лир: «Общественные протесты в Азербайджане, если и не целиком, то в большой мере связаны с местными проблемами: например, где-то закрывают мечеть, или родственник местного чиновника не был задержан после дорожно-транспортного происшествия, виновником которого он стал, или торговцы протестуют против появления новых киосков на рынке. Но иногда причиной публичных протестов становятся общенациональные проблемы: например, в январе этого года в Баку имел место несанкционированный протест с участием нескольких десятков человек, причиной которого стала смерть солдата вследствие неуставных отношений».

Таким образом, хотя люди, может быть, и не считают, что правительство обходится с ними справедливо, они не обязательно предъявляют претензии высшему руководству страны. О'Лир объясняет это тем, что

«другие проблемы больше задевают их интересы или власть Алиева кажется им слишком прочной, чтобы ей можно было угрожать. Возможно, люди предпочитают выражать недовольство по поводу локализованных, осязаемых проблем, потому что здесь, как они полагают, у них есть шанс изменить ситуацию».

Наблюдатели в Азербайджане, придерживающиеся разных точек зрения, сходятся в том, что пока общество не видит альтер-

силы. Люди словно пребывают в спячке». Здесь Гаджизаде ведет, несколько утрируя, речь о наиболее активной части оппозиции. Но, ведь даже по официальным данным, за Гасанли проголосовало 200 тыс. избирателей, а реально, возможно, и значительно больше.

Важной неизвестной величиной остается политический ислам. Официально Азербайджан следует образцу кемалистской Турции — светского государства, в котором большинство составляют мусульмане. Баку —

“Политическая конкуренция в Азербайджане в ближайшие годы, скорее всего, будет возможна лишь внутри правящей элиты”.

нативы нынешней правящей элиты. Бренда Шаффер, профессор Университета Хайфы и специалист по Азербайджану, утверждает, что азербайджанское общество сделало выбор в пользу стабильности, которую обеспечивает нынешнее руководство. Она говорит: «Большинство людей в мире, пережившем “арабскую весну”, признают, что недееспособное государство не может в достаточной мере обеспечить права человека и что эффективная власть — даже при наличии у нее определенных недостатков — предпочтительнее нестабильности и беззакония. Идея постепенной эволюции политической системы пользуется в Азербайджане широкой поддержкой, а идея быстрых изменений или резкой смены идеологии представляется малопривлекательной».

По мнению активиста-демократа Хикмета Гаджизаде, «в системе, подобной той, что существовала в СССР при [Леониде] Брежнев, оппозиция невозможна. Реально можно, наверное, говорить о примерно двух сотнях отважных активистов, которых не удалось сломить и которые пытаются протестовать, — их можно назвать диссидентами... но за ними нет никакой народной

один из немногих мусульманских городов в мире, где вы не услышите муэдзина, созывающего правоверных на молитву. Тем не менее легко заметить, что многие азербайджанцы, особенно молодежь, предпочитают более ярко выраженную мусульманскую идентичность. Об этом свидетельствует растущее число молодых людей, посещающих мечеть, и девушек, носящих хиджаб.

Большинство мусульман в Азербайджане — шииты. Азербайджан опасается влияния шиитского Ирана на юге и повстанцев-салафитов с Северного Кавказа на севере. Но, подавляя различные внешние проявления ислама, правительство Азербайджана скорее не улучшило, а ухудшило ситуацию. В ноябре 2011 года оно ввело запрет на ношение платков-хиджабов и закрыло несколько мечетей. Но тем самым оно устранило лишь внешние проявления воинствующего ислама, а не его причины, и загнало инакомыслящих в подполье.

Внешне Азербайджан, безусловно, стабилен, но в ближайшие пять лет ситуация может измениться. И определяющим фактором изменений, почти наверняка, окажется экономика.

Экономические перспективы

После нескольких лет рекордного роста экономики главный вопрос для Азербайджана на ближайшее будущее можно сформулировать так: устойчива ли его нынешняя экономическая модель, которая в значительной степени зависит от экспорта нефти (подробные ответы экспертов на этот вопрос см. ниже в разделе «Развернутые ответы» — с. 86–87).

Благодаря доходам от экспорта нефти, транспортируемой по нефтепроводу Баку—Тбилиси—Джейхан, темпы роста экономики Азербайджана в период между 2005 и 2007 годами были самыми высокими в мире. Но сейчас добыча падает (см. рис. 1 на с. 85). Выступая в Вашингтоне, округ Колумбия, в сентябре 2013 года специалист из Центра стратегических исследований в Баку Гюльмира Рзаева¹¹ заявила, что начиная с «2015–2016 годов [добыча нефти] будет... заметно падать». «Доходы достигли пика в 2010 году и теперь медленно снижаются, хотя Государственный нефтяной фонд, созданный в 2001 году, как раз и предназначен для поддержки государственного бюджета в случае такого снижения.

Падение мировых цен на нефть скорее ударит по экономикам богатых нефтью соседей Азербайджана — Ирана и России, чем самого Азербайджана, утверждает Бренда Шаффер. Если в ближайшем будущем цены на нефть понизятся, Азербайджан не очень пострадает от этого, потому что «он регулярно закладывает в свой государственный бюджет цену ниже фактической», — отмечает Шаффер. Азербайджан также «имеет сравнительно небольшую численность населения, поэтому он сможет удержать государственные службы на должном уровне, даже если цена на нефть понизится. Но странам с большим населением, экономика которых тоже базируется на экспорте нефти, таким, как Иран и Россия, будет труднее поддерживать уровень социальных услуг на прежнем уровне, если цена на нефть снизится надолго», — добавляет она.

Но хотя Азербайджану удастся смягчить эффект краткосрочного снижения доходов от продажи нефти, он вынужден осознавать новую суровую реальность: время легко достающихся больших доходов от нефти заканчивается. Чтобы справиться с этой проблемой, Азербайджан собирается в ближайшие пять лет превратиться в крупного экспортера газа.

Европейский Союз уже много лет проталкивает проект сооружения газопровода «Набукко», предназначенного для транспортировки газа с азербайджанского месторождения Шах-Дениз в страны Центральной Европы. Неопределенность в отношении самокупаемости «Набукко» в итоге привела к тому, что теперь речь идет уже не о столь амбициозном, но все же достаточно крупном проекте Трансадриатического трубопровода, который будет начинаться в Греции и пройдет через территорию Албании и Адриатическое море в Италию. По словам Лорана Русекаса из *IHS Cambridge Energy Research Associates*, не так важен фактический маршрут трубопровода, как сам факт того, что прокладывается прямой путь от Каспийского моря в Западную Европу. «Если все пойдет, как предполагается, реализация второй фазы проекта Шах-Дениз сделает Азербайджан крупным поставщиком газа», — говорит он.

Вместе с тем Государственная нефтегазовая компания Азербайджана *SOCAR*¹² расширяет свою деятельность на международном уровне и в будущем останется одним из игроков в европейской энергетической политике. Она является серьезным инвестором в Грузии и в Турции (НПЗ «Стар» в Измире). Недавно *SOCAR* также купила две трети акций газораспределительной сети Греции¹³.

Хотя по масштабам *TAP* скромнее «Набукко», именно это делает его менее уязвимым для колебаний спроса на газ в Европе. Накопленный опыт работы по про-

екту «Баку—Тбилиси—Джейхан» позволяет также оптимистично оценивать перспективы Трансадриатического газопровода, поскольку в этом случае, как только проект был одобрен, поставщики и потребители стали учитывать его в своих планах на будущее, тем самым подтверждая его жизнеспособность.

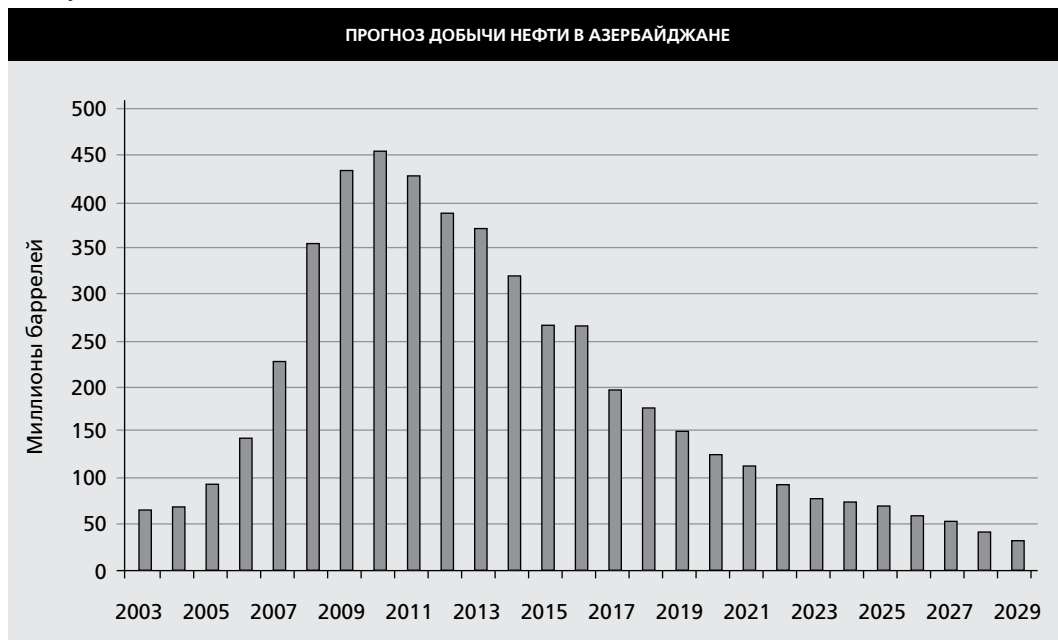
Однако по сравнению с нефтяным рынком мировой газовый рынок более волатилен и доходы на нем в целом ниже. По словам Рзаевой (сентябрь 2013 года), «если за 1000 тонн нефти Азербайджан получал около 800 дол., то за 1000 кубометров газа он будет получать только 50 долларов. Это сравнение наглядно демонстрирует разницу между доходами страны от нефти и от газа». Даже самые оптимистические прогнозы предполагают, что за десятилетие страна получит за газ менее половины того, что она зарабатывает ныне на экспорте нефти. Между тем на пятки Азербайджану наступают другие производители углеводородов, и азербайджанскому газу

придется конкурировать с газом из Алжира, Восточного Средиземноморья и Северного Ирака, а также со сжиженным природным газом (СПГ) из других регионов мира.

Но чем дольше доходы от нефти и газа поступают в государственный бюджет Азербайджана, тем больше в обществе возникает вопросов о том, как распределяется это новое богатство. Коррупция уже сейчас вызывает серьезную озабоченность. Например, крупный скандал разгорелся в прошлом году, когда бывший ректор университета, сбежавший во Францию, распространил компрометирующую информацию о продаже-покупке мест в парламенте страны ¹⁴. В 2012 году по индексу восприятия коррупции ¹⁵, определяемому организацией *Transparency International*, Азербайджан занял 139-е место (из 176), оказавшись на одном уровне с Россией.

Как считает О'Лир, анализ опыта стран, находящихся в сходной ситуации, то есть стран с чрезмерной зависимостью эконо-

Рисунок 1

Источник: Центр Экономического и Социального Развития, Баку

мики от экспорта нефти, свидетельствует, что «неравномерное распределение выгод от нефтяной ренты позволяет правящей политической элите не заниматься совершенствованием системы государственного управления с целью создания базы для процветающего общества». Она предостерегает: «Если Азербайджан продолжит движение по этому пути, ожидания его населения могут так и не исполниться».

Глядя в будущее

Свой третий президентский срок Ильхам Алиев начинает, находясь в относительно безопасном положении. Азербайджан переживает невиданный расцвет и добился заключения важного международного соглашения, впервые предусматривающего поставки газа напрямую с Каспийского моря в Европейский союз.

Однако политическая система Азербайджана остается закрытой и непрозрачной, и это вызывает тревогу, потому что опыт руководителей, уже давно возглавляющих соседние страны (Эрдогана в Турции и Владимира Путина в России), показывает, что даже лидеры, чья власть, казалось бы, непоколебима, сталкиваются с опасными и неожиданными вызовами, возникающими словно бы из ничего. Остаться неподвижными, когда мир вокруг быстро меняется, — это не выход для азербайджанского руководства. Следующие пять лет будут для Азербайджана критическими: ему придется адаптироваться и проводить реформы, необходимые для решения совершенно новых экономических и международных проблем.

Приложение: развернутые ответы

В сентябре 2013 года нескольким специалистам по Азербайджану было предложено ответить на вопрос «Является ли азербайджанская экономическая модель устойчивой?». Вот их ответы:

Губад Ибадоглу, член руководства Центра экономических исследований (Баку):

«В краткосрочной перспективе – да, но в среднесрочной и долгосрочной перспективе велики финансовые риски».

Ричард Козларич, бывший посол США в Азербайджане:

«В свете стагнации или сокращения экспорта энергоносителей и отсутствия серьезной экономической диверсификации в неэнергетическом секторе нынешняя экономическая модель не выглядит устойчивой. Если же экономическая модель неустойчива, то и нынешняя политическая система, построенная на коррупции, будет испытывать сильные перегрузки».

Лоран Русекас, старший советник компании IHS Cambridge Energy Research Associates:

«В масштабе пяти-десяти лет – возможно, но в долгосрочной перспективе, конечно, нет, так как азербайджанская экономическая модель основана на доходах от экспорта нефти, которые постепенно сокращаются. Скорее всего, Азербайджан превратится в крупного экспортера газа, и доходы от экспорта газа, как и от экспорта конденсата с газовых месторождений, помогут ему выжить. Но... весьма вероятно, что при отсутствии значительного подъема мировых цен на нефть в Азербайджане проявится общая тенденция к медленному снижению доходов от экспорта углеводородов. При этом сокращаются возможности инвестирования нефтяных денег в местную экономику, а это негативно отразится на развитии других секторов, которое в последние несколько лет было относительно устойчивым».

Бренда Шаффер, профессор Университета Хайфы и приглашенный исследователь в Университете Джорджтауна:

«Более половины доходов, получаемых Азербайджаном от экспорта нефти, направляется в Государственный нефтяной фонд, благодаря чему страна с ее относительно небольшим населением сможет пережить возможные скачки цен на нефть. В отличие от экспорта нефти, прибыль от реализации газовых проектов начинает поступать далеко не сразу,

обычно более чем через десять лет. Однако осуществление новых проектов экспорта газа будет стимулировать хозяйственную деятельность и создание рабочих мест. Значительную часть запасов на месторождении Шах-Дениз составляет газовый конденсат, и экспорт этого продукта может обеспечить быструю прибыль, в то время как от начала реализации любого проекта экспорта природного газа с использованием трубопроводов до поступления первой прибыли проходит много времени». ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ <http://www.bloomberg.com/news/2013-08-13/azeri-russian-arms-trade-4-billion-amid-tension-with-armenia.html>

² <http://carnegieendowment.org/2013/06/19/new-narrative-for-karabakh-conflict/gb2e>

³ http://history.bsu.edu.az/en/content/jamil-poladkhan_hasanly_248

⁴ <http://humanrightshouse.org/Articles/10357.html>

⁵ http://www.rferl.org/content/Azerbaijani_Parliament_Approves_Referendum_On_Presidential_Term_Limit/1364057.html

⁶ <http://www.osce.org/odihr/elections/106901>

⁷ <http://www.amnesty.org/en/for-media/press-releases/azerbaijan-opposition-candidate-arrested-ahead-presidential-elections-2013>

⁸ <http://www.freedomhouse.org/article/smear-campaign-escalates-against-azerbaijani-rferl-reporter>

⁹ <http://www.hrw.org/reports/2013/09/01/tightening-screws>

¹⁰ http://en.apa.az/xeber_azerbaijan__s_presidential_administration_198738.html

¹¹ <http://www.jamestown.org/press/events/video-azerbaijan-and-the-southern-gas-corridor-to-europe-implications-for-us-and-european-energy-security/>

¹² <http://www.invest.gov.tr/en-US/infocenter/news/Pages/220513-socar-signs-turkey-refinery-deal.aspx>

¹³ <http://abc.az/eng/news/76138.html>

¹⁴ <http://www.theatlantic.com/international/archive/2013/01/how-to-buy-a-seat-in-azerbaijans-parliament/267065/>

¹⁵ <http://www.transparency.org/country#AZE>